

А.Н. Фатенков

НЕРЕДУЦИРОВАННОЕ «СЧАСТЬЕ» И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ (К РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА)¹

Аннотация

Апеллируя к русской языковой картине мира, автор рассматривает концепт *счастье*. В нем, как и в любом концепте, выделяется апофатически угадываемый смысловой центр и два окружающих его семантических слоя: ближний и дальний. В ближнем слое вербально оформляющая концепт лексема инвариантна, в дальнем – вариативна. Корректность катафатического дискурса определяется тем, насколько он удерживается в ближнем слое используемых концептов. Обращается внимание на особенность концептуализации психо-эмоциональных феноменов, к которым относится и феномен счастья. Эпицентр концепта *счастье* насыщен смыслом ‘переполненности’; ближний семантический слой *счастья* – смыслом ‘недопереполненности’. Полнота счастья (и феномена, и соответствующего концепта) всегда сомнительна. Представления о ней исторически связаны с мировоззренческой линией социального прогрессизма и сциентизма. Представления о принципиальной неполноте земного счастья имеют своим источником религиозные, монотеистические верования. Смысловая композиция ‘переполненности’ и ‘недопереполненности’ характерна для понимания счастья в рамках последовательной секулярной мировоззренческой стратегии, дистанцирующей как от теистических, так и от сциентистских и прогрессистских детерминаций. Проводится содержательное разграничение *счастья* и, с другой стороны, *удовлетворенности* и *успеха*. Два последних концепта видятся результатом редукции первого. Удовлетворенность и успех трактуются феноменами по преимуществу социальными, счастье – феноменом по преимуществу экзистенциальным. Скептически оценивается возможность достижения коллективного счастья в масштабах большого общества. Социальной целью человека утверждается его справедливое признание окружающими людьми. Выстроенная авторская гипотеза соотносится с известными научно-гуманитарными и художественно-поэтическими эскизами к русской языковой картине мира.

Ключевые слова

Счастье; переполненность; редукция; удовлетворенность; успех; признание.

¹Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25–18–00395 «Представления о счастье 4-х поколений россиян: коллективные эмоции, нормативные установки и субъективные притязания».

A.N. Fatenkov

NON-REDUCED “HAPPINESS” AND ITS SEMANTIC SURROUNDINGS (ON THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW)¹

Abstract

Appealing to the Russian linguistic worldview, the author examines the concept of *happiness*. As with any other concept, it has an apophatically identified semantic center and two semantic layers surrounding it: near and far. In the near layer, the lexeme verbalizing the concept is invariable, while in the far layer, it can vary. Evaluating the correctness of the cataphatic discourse here requires considering how well it is retained within the near layer of the concepts used. The author also focuses on the specific approach to conceptualizing psycho-emotional phenomena, including happiness. The epicenter of the *happiness* concept is filled with the meaning of ‘overfullness’, and the near semantic layer of *happiness* with the meaning of ‘underoverfullness’. The fullness of happiness, both as a phenomenon and a concept, is always questionable. The ideas around it are historically associated with the worldviews of social progressivism and scientism. Views of the fundamental non-fullness of earthly happiness originate from monotheistic religious beliefs. The semantic composition of ‘overfullness’ and ‘underoverfullness’ is inherent to the perception of happiness within a consistent secular worldview strategy that distances itself from theistic, scientific and progressive determinations. A substantial distinction is made between *happiness*, on the one hand, and *satisfaction* and *success*, on the other. The latter two are viewed as results of reducing the former. Satisfaction and success are primarily interpreted as social phenomena, while happiness is mainly existential. The idea that collective happiness is possible at a large society level is met with skepticism. A person’s social goal is believed to be their fair recognition by those around them. The hypothesis developed by the author aligns with the well-known scientific-humanitarian and artistic-poetic sketches of the Russian linguistic worldview.

Key words

Happiness; overfullness; reduction; satisfaction; success; recognition.

Исходные авторские интуиции и их дискурсивное обрамление

Начальная точка движения мысли привычна для отечественной интеллектуальной традиции: о счастье как таковом, нередуцированном мы безусловно мыслим и говорим только в апофатическом ключе. В частности, как об отсутствии горя, смут и тревог (см.: [Даль]). Как о временной победе над умирающим: «В том счастье, что мы о смерти / Умеем вдруг забывать» [Гиппиус]. Получая вопрос «Счастливы ли вы?», русский человек «постарается уклониться от ответа или смягчит его (“не несчастлив”»)» [Сергеева 2007, 24]. Любой катафатический дискурс дает нам лишь редуцированное, содержательно уменьшенное понимание счастья. И тогда сразу речь необходимым образом заходит о степени корректности произведенной редукции.

Смысловое ядро концепта (понятия) не одномерная точка, а сферическое пространство с подвижными границами и контекстуально выделяемыми слоя-

¹The text was funded by the Russian Science Foundation, project No. 25–18–00395 “Representations of happiness in collective emotions, normative attitudes and subjective claims of 4 generations of Russians”.

ми (пластами): ближним (внутренним), в котором словарная лексема, вербально оформляющая концепт, неоспоримо уместнее любой иной; и слоем дальним (внешним), в котором неизбежна ниспадающая, вплоть до вовсе сомнительной, синонимия, приводящая в конце концов к подмене понятия, когда дальний семантический пласт одного из них пересекается с ближним пластом другого.

Сверхзадача катафатического дискурса в том, чтобы удерживаться в ближнем семантическом слое используемых концептов и тем самым содержательно оставаться в области допустимых редуccionистских издержек. И без того непростая задача усложняется при оперировании положительными понятиями. С отрицательными понятиями проще. Скажем, ставя студенту «незачет», мы однозначно констатируем неполноту его знаний, несоответствие их уровня ни одному из положительных баллов. Ставя «зачет», мы, вообще говоря, некорректно уравниваем полный, отличный ответ с ответом лишь частично полным, не более чем удовлетворительным. Очерченная выше задача усложняется кратно, когда приходится иметь дело с концептами психо-эмоциональных феноменов. Ведь тут помимо смысловых оттенков ‘полноты’ и ‘неполноты’ появляется еще один, оттенок ‘переполненности’. Кроме дополнительно возникающих оппозиций (‘переполненность’ – ‘полнота’, ‘переполненность’ – ‘неполнота’) здесь вызревают парадоксальные смыслы, требующие при их вербальном оформлении каламбурного соединения префиксов *пере-* и *недо-*. Так, скomorошеские русские глагольные вариации *недопере...* (а куда ж без скomorошества – без него унынье) удивительно тонко передают неординарные состояния имярека.

Смысловые значения концепта *счастье* в его афатически угадываемом эпицентре атрибутивно насыщены ‘переполненностью’; в его ближайшем семантическом окружении – причудливой смычкой ‘пере-недо-’. А вот с ‘полнотой’ у *счастья* проблемы. Такова стержневая мысль авторской гипотезы.

Счастье всегда ‘переполняет’ человека. Оно по бытийной сути своей и есть некая переполненность: переполненность положительными эмоциями, содержание которой принципиально нельзя вместить без остатка в логико-семантические конструкции. Подобная процедура предполагалась бы возможной и необходимой для *полного счастья*, для его ‘полноты’ – но таковым счастье никак не может быть. Если ему была бы присуща полнота, то оно не способно было бы ни длиться, ни повторяться. Если счастье ‘наполняет’ кого-то, то оно привнесено извне и потому уже – не совсем твое или не твое вовсе.

Полнота счастья всегда относительна, сомнительна, смешна. Шура Балаганов из «Золотого теленка» оценил ее в шесть тысяч четыреста рублей по ценам 1930 г. (см.: [Ильф и Петров]). Вампиловскому Зилову для полного счастья от утиной охоты надо, крепко выпив, посмотреть на «друзей», чьи судьбы ему абсолютно безразличны – или небезразличны настолько, что он намеренно гонит их прочь от себя, совсем пропащего (см.: [Вампилов]).

Счастье как таковое, будучи переполненностью, не укладывается ни в какие нормы, в том числе и социально-культурные. Хотя заведомое нарушение норм, конечно же, счастья не гарантирует. Стремление осмыслить и вербально выразить конкретную переполненность даже при максимальном старании оборачивается потерей эмерджентности, нисхождением к подобию содержательной полноты, которая в данном случае и является (номинально), и не является (реально) самой собой. Игнорирование указанного противоречия, устранение из него отрицательного элемента неизбежно ведет к неосознаваемой подмене счастья удовлетворенностью (довольством).

Перепополняемое счастье содержательно богаче полного счастья. И не только за счет раскрытия сверхнормированных смыслов, но и за счет жизненно важного сокрытия смыслов приватных, интимных, сокровенных. Отсекая сокровенность, делая счастье не столько зримым, сколько демонстрируемым, его сводят к успеху и тому же довольству – и вновь скорее без должного осознания сделанного редукционистского шага. «Выполнил пятилетку в четыре года». «Поглотил всех конкурентов». Вот что выносятся на всеобщее обозрение, выставляется на социальную витрину, вот что запечатлевает физиономия-транспарант. Не опускаясь до демонстраций, счастье между тем остается отчетливо зримым. Даже неброское. А таковым оно и вспоминается, после того как ушло, растаяло, рухнуло. О нем – в стихотворении Шпаликова 1974 г., оборвавшего жизнь поэта: «...Но счастье и тем непривычно, / Что выглядит очень обычно» [Шпаликов].

Итак, счастье не может быть полным. Вместе с тем оно не может быть и неполным – тогда это вообще не счастье. Ты можешь стараниями или по случаю вплотную приблизиться к нему – и, однако же, не достигь, остаться по ту сторону. «Почти» – последняя преграда на пути к счастью. «Это почти – попытка. На все времена» [Трифонов 1986, 428]. Разумеется, у счастья помимо бытийного центра есть и инобытийная периферия. Там в ней оно призрачное, ускользающее... И все-таки это счастье, а не довольство, не успех и не что-то еще. Оно и там выше своей «полноты», но переполненности ему уже не хватает. Если переполненность есть бытийный атрибут счастья, то недопереполненность – его инобытийный атрибут.

Именно недопереполненность – с сохраняющейся в ней недоступностью для корректного катафатического определения – формирует ближайшее семантическое окружение *счастья* как такового. Его дальний, внешний семантический круг образуют множество концептов, среди которых и *удовлетворенность*, и *успех*.

Гипотеза выстроена. Теперь ее необходимо сверить с материалами, уже представленными в исследовательской литературе.

Соотнесение авторской гипотезы с известными эскизами к русской языковой картине мира

Уместно начать со словарно-энциклопедических изданий. У В.И. Даля (см.: [Даль]) в отмеченных им значениях слова *счастье* не встретить смысловых оттенков ‘полноты’, а тем более ‘переполненности’. Скорее, напротив, зрими следы ‘неполноты’ – ‘доли’ (и, буквально, как части; и как судьбы, неотличимой от случая). Даже в уравнивании счастья с земным блаженством угадывается противопоставленность последнего блаженству вечному (небесному). Впрочем, ситуация объяснима. В русской языковой картине мира, записанной в XIX столетии, велико влияние доминировавшего тогда в обществе религиозного мировоззрения, в рамках которого земная жизнь и все ее состояния, включая самые ценные, бытийно не полны. Если даже онтологически земное счастье и постулируется, то гносеологически и праксиологически путь к нему закрыт. Иллюстративен здесь пессимизм персонажей чеховского рассказа. Обездчик Пантелей сетует: «Да, так и умрешь, не видавши счастья, какое оно такое есть...»; старый пастух вторит: «Есть счастье, да нет ума искать его» [Чехов 1982, 135].

Симптоматично, что в XX столетии, в советский период отечественной истории с присущей ему стратегией секуляризации жизни и, следовательно, радикального онтологического возвышения посюсторонности, земное счастье стало восприниматься и толковаться феноменом, отличающимся достигнутой содержательной полнотой. У С.И. Ожегова в первом из двух значений *счастье* фиксируется как «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [Ожегов 1984, 696]; у Д.Н. Ушакова – как «состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью» [Ушаков]. И притом – оно в шаговой доступности для советского человека. «Пусть болтают, что счастье где-то / У синего моря, у дальней горы. / Подошел к телефону, кинул монету / И со Счастьем – пожалуйста! – говори» [Визбор].

Нынешний исторический период – именуемый нередко постсекулярным – позволяет, а то и заставляет, увидеть в счастье иные смысловые грани. При всей содержательной вариативности понятийных конструктов с префиксом *пост-*позволительно в данном случае, настаивая на несводимости постсекулярности к религиозному ренессансу, трактовать ее состоянием (этапом), завершающим дуалистическое противопоставление рационального и иррационального в человеке. Постсекулярность (пока не нашлось лучшего именованья) – это не реставрация фидеизма, а отказ от фанатичного сциентизма и прогрессизма. Это спасительное возвышение чувственно-эмоциональной стороны человеческой жизни, которая, вместе со стороной волевой, только и может помочь людям не оказаться придатками к «умным» машинам.

Характеризуя счастье феноменом по преимуществу психо-эмоциональным и тем самым отличая его от феноменов по преимуществу психо-интеллектуальных, никак не стоит упускать из виду и мыслимость счастья. Ведь психика едина и только контекстуально, ситуативно подразделяется на аффективную и когнитивную составляющие. Мыслимость счастья, подчеркну, не столько рефлексивна, сколько интуитивна. (Рефлексия обтекает мыслимый предмет извне, со стороны. Интуиция проникает внутрь предмета – или даже изначально сопряжена с ним, если субъектом мыслится его собственное состояние.) Без своего интуитивного осознания счастье легко может быть подменено его имитацией. Одурманивающая «инъекция счастья» – бездарна. Напротив, счастье без дополнительных вспоможений – обнадеживает человека, укрепляет его натуральный ум в противостоянии пресловутому искусственному интеллекту (об авторской критике искусственного интеллекта см.: [Фатенков 2022]).

В словарных изданиях XIX и XX вв. *счастье* легко синонимизировалось с *удовлетворенностью* (*довольством*) и *успехом*. В рамках доминирующего религиозного мировосприятия (XIX в.) – по причине умаления земной жизни в сравнении с преобразенным после воскресения состоянием. В рамках безграничного доверия к индуктивным возможностям науки и социально-технического прогресса (XX в.) – вследствие ожидания того, что постепенное восхождение по ступеням удовлетворенности и успеха приведет в итоге к желанному пику счастья.

Традиции не меняются быстро, если меняются хоть как-то. И нет ничего удивительного в том, что прежние семантические пласты *счастья* (с одной стороны, религиозного толка, с другой – социально-прогрессистского и сциентистского) продолжают (где-то больше, где-то меньше) играть значимую роль. Неудивительно, впрочем, и то, что оценки этой роли становятся предметом обстоятельной дискуссии.

О воздействии православного вероисповедания на русский эвдемонизм пишет, скорее сочувственно, А.В. Сергеева. «Православие сильно повлияло на сознание русских, особенно на их жизненную *философию счастья*. В рамках этой системы *представлений о счастье*, как это ни парадоксально, важнейшее значение имеет компонент страдания» [Сергеева 2007, 23]. В продолжение утверждается: «...Чтобы стать счастливым, обязательно наличие *чистой совести*, отсутствие чувства вины за что-то – вот принцип русского архетипа. В нем заметна даже некоторая боязнь счастья, чувство неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что кто-то рядом может быть несчастлив. Человек как бы стесняется своего счастья» [Сергеева 2007, 24]. Любопытным дополнением к про-религиозной трактовке счастья оказывается ремарка научно-детерминистского формата: «Между *счастьем* и *несчастьем* для русских есть причинно-следственные отношения. Об этом и русская поговорка: “Не было бы счастья, да несчастье помогло”...» [Сергеева 2007, 23].

Позволю себе высказать ряд возражений – разумеется, полемического плана – касательно процитированных суждений.

На мой взгляд, во-первых, они пересыщены морализаторством. Дело в том, что *счастье* – категория и моральная... и внеморальная. Под моральностью традиционно понимаются определенного типа отношения индивида и групп к другим индивидам и группам, а именно теоретические и практические отношения, соотносимые с представлениями о добре и зле. Счастье как таковое, однако, переполюсывая человека, отгораживает его и тех немногих, с кем он переживает это психо-эмоциональное состояние, от остальных людей и от всех отношений с ними, включая отношение безразличия. Конечно, атомизированный индивид не может быть счастливым... потому что на свете и нет по-настоящему атомизированного человеческого индивида. Но счастливым с немногими, а быть может, и только с немногими (или даже с одним-единственным) он бывает. А счастливы или несчастливы при этом все остальные, не имеет значения. И никто не смеет человека за это винить! В «Толковом словаре» В.И. Даля читаем: «Счастье в нас, а не вокруг да около» [Даль]. И боится человек не обретения счастья, а того, что оно по обыкновению коротко. Он боится его спугнуть, преждевременно потерять. Героиня фильма, поставленного Г.Ф. Шпаликовым по собственному сценарию (тот, правда, при экранизации был несколько скорректирован) наивна, но по-человечески абсолютно права в своем желании «долгого счастья» себе и случайно встреченному ей человеку; на меньшее она не согласна.

Во-вторых, о взаимосвязи счастья и страдания. Да, она существует – но как связь фантомная, устраняющая саму себя. Никогда не поверю тому, кто скажет на религиозный манер: чтобы обрести счастье, надо сначала пострадать. Опрометчиво полагать, будто страдания непременно очистят душу. Их воздействие в лучшем случае амбивалентно. Кого-то они подвигнут к доброте. Кого-то толкнут прочь от нее. К озлобленности. К опустошенности. Кого-то просто повалят в грязь. Существенна, повторяюсь, только фантомная связь, то есть ее самоликвидация, между обретаемыми минутами счастья и страданиями по поводу непоправимой смертности человека. В счастье, пока оно не находится скрадываться, страх смерти не властен над человеком. Счастье – бодрствование по канонам сна. С ним, при удаче, встретишься и в черед неприемлемых буден.

В-третьих, о якобы причинно-следственных отношениях счастья и несчастья. Нет, такого рода детерминация вообще отсутствует. Фраза о том, что сча-

стью помогло несчастье, произносится всегда с изрядной долей иронии. Счастье связано с несчастьем слабыми, коррелятивными отношениями – но никак не сильными, не каузальными. Подсказывает сам язык. ‘Причиняется’ боль, страдание, несчастье – счастья ‘причинить’ нельзя. Окажись оно каузально зависимым, сразу попало бы в сеть регулярностей, логически выверенных стратегий-тактик, формализованных планов-отчетов. От ауры счастья не осталось бы ничего.

Смягченную религиозную трактовку счастья находим у А.Д. Шмелева. В том кругу словоупотреблений, когда *счастье* берется в смысле ‘отсутствия неудовлетворенных желаний’ (с мощной, замечу, апофатической интенцией), оно «хотя и не относится к сфере “горнего” (в отличие от *небесного блаженства*, оно всецело принадлежит здешнему, земному миру), но служит его секулярным аналогом» [Шмелев 2002, 175, 179].

Для человека бескомпромиссно светской культуры (не вижу смысла ни в каких уступках религиозным веяниям, пусть даже молодое и будущее поколения решат иначе) посюсторонность самодостаточна, а не аналогова. Она, бесспорно, структурирована; в ней есть и высокое, и низкое. Счастье – в вышине. И если включать его в какие-то параллели, то с платоновским эйдосом блага, который и венчает собой иерархию «занебесных» (но не трансцендентных) сущностей, и выходит за ее рамки. Так и счастье: это и вершина фундированного посюсторонностью морального эвдемонизма, и феномен внеморальной стихии жизни.

Сегодня, думается, пришло время осознать: дистанция между счастьем и его внешним феноменальным окружением (довольством, успехом...) никогда не обнулится. Для сциентистской логики тезис, понятно, жестковат. Социологи, например, считают, что из десяти удовлетворенных жизнью людей минимум четверо еще и счастливы (см.: [Алмакаева, Настина, Догузов 2025, 32]). Но как трактовать данную корреляцию? Если речь о случившихся вспышках счастья на фоне продолжительной удовлетворенности жизнью, то дистанция между этими двумя разными состояниями останется непоколебленной. Если речь о синхронизации счастья и удовлетворенности, то это что-то близкое к оксюмору.

Счастье – психо-эмоциональное состояние, свидетельствующее о том, что человеку случается сделать еще один, качественный шаг вперед даже после того, как он преодолел (на какой-то миг или длительный отрезок времени) всю отчужденность между собой и миром и удовлетворился преодолением. Счастье – самый престранный эпифеномен бытия к смерти (одной компенсаторной функцией всю его странность не объяснить). Явление акцентированно экзистенциальное. От социальности в нем не так уж много. Не чуждый духу коммуны Андрей Платонов и то выражал сомнения по поводу коллективного счастья. Если в сознание своего персонажа-геометра он вкладывает ту мысль, что «жить среди товарищей, счастливее чем в семействе» [Платонов 2003, 5], то в собственных «Записных книжках» высказывается прямо противоположным образом: «...Лучше жить с женой, чем в ошалелой ораве...» [Платонов 2000, 133].

«...И счастья в личной жизни!»

А чего пожелать человеку в жизни общественной?

В масштабах большого общества пожелания счастья попросту лукавы, откровенно утопичны. Вместе с тем надо признать: эвдемонические утопии распространены – с разной плотностью – в мировой и отечественной культуре. Они, разумеется, не столь радикальны, как трансценденталистского толка утопии спасения или как имманентистские утопии платоновского толка. И возник-

кают, когда частная жизнь, хотя бы семейная, перестает находиться в жесткой зависимости от социально-политических отношений и даже может какими-то своими сторонами выступать образцом для них. В Европе утопические тексты социального эвдемонизма берут начало, вероятно, с аристотелевской «Политики». У нас – гораздо позднее. (Л. Геллер и М. Нике, например, полагают, что о любой утопической литературе в России корректно вести речь лишь с последней четверти XVII в. [Геллер, Нике 2003, 15].) Русский эвдемонизм несомненно подпитывается хилястическими представлениями о предспасительном состоянии для праведников. Однако концепт *счастье* непосредственно появляется в заголовке утопического текста, похоже, только в произведении А.П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество» (1759). Как подчеркивает Б.Ф. Егоров, «в духе петровских преобразований Сумароков агитирует за продвижение человека в общественной жизни не по сословным, а по личным заслугам...» [Егоров 2007, 72]. Впрочем, и сумароковское *счастье* концептуально трудно отличить от *справедливости*.

Осознанно дистанцируясь от эвдемонических утопий, выскажусь без обиняков: ни один социально-политический строй счастьем человека не одарит. Справедливость – вот планка и сама по себе едва (ли) достижимая, которую большому обществу в интересах людей никогда не преодолеть. Поэтому все социальные пожелания индивиду вращаются вокруг нее. И главное из них – пожелание справедливого признания. И незапоздалого к тому же...

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмакаева А.М., Настина Е.А., Догузов А.В. Динамика счастья и удовлетворенности жизнью в условиях экзогенных шоков // Социологический журнал. 2025. Т. 31. № 2. С. 29–50.
2. Вампилов А.В. Утиная охота. URL: https://lib.ru/PXESY/WAMPILOW/vampilov_ohota.txt (дата обращения: 30.07.2025).
3. Визбор Ю.И. «Пусть болтают, что счастье где-то...». URL: <https://www.culture.ru/poems/47722/pustoe-boltayut-chto-schaste-gde-to> (дата обращения: 30.07.2025).
4. Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.
5. Гиппиус З.Н. Счастье. URL: <https://www.culture.ru/poems/26673/schaste> (дата обращения: 30.07.2025).
6. Егоров В.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 416 с.
7. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0140.shtml (дата обращения: 30.07.2025).
8. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. 424 с.
9. Платонов А. Счастливая Москва. Москва; Augsburg: Im Werden Verlag, 2003. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://imwerden.de/pdf/platonov_schastlivaja_moskva.pdf (дата обращения: 30.07.2025).
10. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2007. 320 с.
11. Счастье // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39717> (дата обращения: 30.07.2025).
12. Счастье // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 696–697.
13. Счастье // Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakov-dictionary.ru/word.php?wordid=75807> (дата обращения: 30.07.2025).
14. Трифонов Ю.В. Старик // Трифонов Ю.В. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3. Нетерпение; Старик: Романы. М.: Художественная литература, 1986. С. 407–605.

15. Фатенков А.Н. Натурный ум в контратаке на искусственный интеллект (Пolemический отклик на «Эволюцию разума» Рэя Курцвейла) // *Философский журнал*. 2022. Т. 15. № 3. С. 172–183.

16. Чехов А.П. *Счастье* // Чехов А.П. *Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Повести; Рассказы 1890–1994*. М.: Художественная литература, 1982. С. 132–137.

17. Шмелев А.Д. *Русская языковая модель мира: Материалы к словарю*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

18. Шпаликов Г.Ф. «Жила с сумасшедшим поэтом...» // Все стихи Геннадия Шпаликова. URL: <https://rupoem.ru/shpalikov/all.aspx#zhila-s-sumasshedshim> (дата обращения: 30.07.2025).

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Almakaeva A.M., Nastina E.A., Dogusov A.V. *Dinamika schast'ya i udovletvorennosti zhizn'yu v usloviyakh ekzogennykh shokov* [Dynamics of Happiness and Life Satisfaction under Conditions of Exogenous Shocks]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 29–50. (In Russian).

2. Fatenkov A.N. *Naturnyy um v kontratake na iskusstvennyy intellekt (Polemicheskii otklik na «Evolyutsiyu razuma» Reya Kurtsveila)* [Natural Intelligence in a Counterattack Against Artificial Intelligence (a Polemical Response to “How to Create a Mind” by Ray Kurzweil)]. *Filosofskiy zhurnal*, 2022, vol. 15, no. 3, pp. 172–183. (In Russian).

(Monographs)

3. Egorov V.F. *Rossiiskie utopii: Istoricheskiy putevoditel'* [Russian Utopias: Historical Guidebook]. St. Petersburg, Iskustvo–SPb Publ., 2007. 416 p. (In Russian).

4. Heller L., Niqueux M. *Utopiya v Rossii* [Utopia in Russia]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2003. 312 p. (In Russian).

5. Sergeeva A.V. *Russkiye: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians: Stereotypes of Behavior, Traditions, Mentality]. Moscow, Flinta Nauka Publ., 2007. 320 p. (In Russian).

6. Shmelev A.D. *Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovariyu* [Russian Language Model of the World. Materials for the Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 224 p. (In Russian).

Фатенков Алексей Николаевич,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Приволжский исследовательский медицинский университет (Нижний Новгород).

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии; профессор кафедры социально-гуманитарных наук.

Научные интересы: экзистенциальная онтология, социальная философия, философия культуры и языка.

E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

ORCID ID: 0000-0001-8628-2413

Aleksey N. Fatenkov,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Privolzhskiy Research Medical University (Nizhny Novgorod).

Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Professor at the Department of Industry and Applied Sociology; Professor at the Department of Social Sciences and Humanities.

Research interests: existential ontology, social philosophy, philosophy of culture and language.

E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

ORCID ID: 0000-0001-8628-2413